

УЧИТЕЛЬ

Первая встреча с Р.И. Нафиговым произошла при довольно своеобразных, если не сказать нелепых, обстоятельствах. Все началось с опоздания на первую лекцию. Когда, обливаясь потом, я влетел в аудиторию, занятие уже началось. За кафедрой стоял седоватый плотный мужчина в тяжелых очках. Он остановился, внимательно посмотрел на меня и строго (как мне тогда показалось, очень строго) спросил: «И что?» Наверно нужно было, как можно бодрее сказать: «Здравствуйте, извините за опоздание, можно присутствовать на лекции!» Но я только отчаянно хватал воздух, не в силах произнести нужные слова. «Выйдите в коридор и отдышитесь»... Было обидно, однако первую половину лекции пришлось слушать, стоя за дверью.

Ничто не предвещало, что судьба на ближайшие двадцать пять лет теснейшим образом свяжет меня с этим в высшей степени неординарным человеком.

***

После перерыва, уже сидя в аудитории, удалось получше рассмотреть нового преподавателя. Рафик Измайлович читал лекции невероятно увлеченно, забывая о времени и рамках темы. Его напор, полемичность, искреннее желание дойти до каждого слушателя, стремление получить ответный импульс не могли оставить кого-то равнодушным. Впоследствии, в частных беседах он неоднократно отмечал: «Понимаешь, аудиторию зацепить надо...» Это ему удавалось блестяще. В перерывах часто вспыхивали дискуссии, отзвук которых сказывался на последующих лекциях. Провоцируя студентов на высказывание противоположных мнений, Рафик Измайлович иногда увлекался, проявлял себя эмоциональным язвительным спорщиком, забывая существенную разницу «весовых категорий». Моя наивная детская реплика о том, что, возможно, Рафик Измайлович несколько недооценивает движение западных коммунистов, вызвала бурю эмоций.

Безусловно, Нафигов Р.И. был субъективен в своих пристрастиях. Эта страстная искренняя субъективность проявлялась во всем. Его реакции были непредсказуемы, а зачастую, на взгляд обычного уравновешенного человека, неадекватны.

Экзамена побаивались все. Никогда, ни до, ни после, не было такой «тряски». Однако, на наше счастье экзаменатор был в прекрасном расположении духа. Накануне Нафигову Р.И. исполнилось 50 лет, жизнь достигла апогея, казалась прекрасной и замечательной. Тем не менее, даже сияющий Нафигов Р.И. внушал не меньшие опа-

сения. Я уже было пожалел, что успел «засветиться». Билет, слава богу, был не сложный, но это было только начало. «А как вы относитесь к поэзии Евтушенко?» К счастью я успел прочитать его последнюю поэму «Северная надбавка» в журнале «Юность». После обмена впечатлениями, Рафик Измайлович с удовольствием вспомнил приезд поэта в Казань и посещение им университета. Затем вопросы посыпались как из «рога изобилия»: «А что вы скажете о загадках древних инков, квадратном корне из минус единицы и т.д. и т.д.» В конце концов, предложил писать у него научную работу. Предложение застало врасплох. Чувствуя, что экзамен сдал, я невольно приосанился и нахально ответил, что подумаю.

Только потом я понял, насколько Рафик Измайлович был уязвлен подобным ответом.

Как в известном анекдоте я вернулся через три года со словами: «Рафик Измайлович, я согласен». Наступил момент его «торжества». Справедливости ради надо сказать, что я уже был не тем робким «мальчиком для битья». Мы «ругались» два часа, если так можно назвать наш очень напряженный разговор. Эмоции лились через край. В конце напряжение как-то само собой спало и уже в дверях Рафик Измайлович, неожиданно ласково приобняв меня, напутствовал: «Характер у меня сложный, придется привыкать...»

Со сложностями характера шефа (как все мы, ученики Нафигова Р.И. называли своего учителя) мне пришлось сталкиваться неоднократно. Он иногда испытывал своих подопечных. Например, на очередной консультации в конце пятого курса он неожиданно объявил, что уезжает в Москву, а посему дипломная работа должна быть у него завтра. А у меня, что называется «конь не валялся». Приказы, понятное дело, не обсуждаются... А если нет, то что? Прощай аспирантура, с вещами на выход и т.д.? Одолеваемый столь грустными мыслями поспешил домой. В эту ночь спать не пришлось. К двум часам следующего дня рукопись лежала перед шефом. Рафик Измайлович с любопытством полистал работу, с удовлетворением отмечая ползущие строчки в конце третьей главы.

При всей показательной строгости Рафик Измайлович проявлял необычайную заботу о своих учениках, не останавливаясь перед преодолением формальных препон. У поступавших в аспирантуру выпускников с нашего потока не было ни целевого отношения, ни открепления от первоначального распределения. Шеф как разъяренный лев ходил по инстанциям университета, стучал кулаком, проклиная бюрократию. В итоге были приняты все.

В последствии, уже работая на кафедре, мне неоднократно приходилось сталкиваться с его житейской мудростью. Общаясь с Рафиком Измайловичем на работе, в архиве, библиотеке или у него дома, ведя душевные разговоры за чашечкой чая, мне иногда каза-

лось (наверно, как и многим другим), что наши отношения нечто большее, чем просто отношения между научным руководителем и учеником, начальником и подчиненным. В доверительных беседах Рафик Измайлович высказывался по самым разнообразным вопросам, выражая иногда совершенно парадоксальные суждения, глубину которых удалось оценить только со временем.

На Востоке **Учитель** - нечто большее, чем просто преподаватель. Учитель - скорее духовный наставник, который учит правильному восприятию жизни. В этом смысле культ Учителя абсолютен, преданность и любовь ученика безгранична. К сожалению, в нашей текущей безалаберности выразить это не привелось. Но память осталась...

Гафаров А.А.